

Владимир РЕЦЕПТЕР: Мы учимся у Пушкина

ИЗВЕСТНЫЙ ПУШКИНИСТ РАССКАЗАЛ О СВОЕЙ НОВОЙ КНИГЕ «ПРИНЦ ПУШКИН, или ДРАМАТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ПОЭТА» И О ТЕАТРАЛЬНОЙ СУДЬБЕ ТВОРЧЕСТВА ВЕЛИКОГО ПОЭТА

19 октября по традиции отмечалась пушкинская дата — годовщина Лицея. Это и стало хорошим поводом побеседовать с народным артистом России Владимиром Рецептером — известным актером, режиссером, педагогом, поэтом и прозаиком, основателем и руководителем государственного Пушкинского театрального центра в Санкт-Петербурге (Фонтанка, 41).

— Вы занимались и занимаетесь Пушкиным не только как практик — актер и режиссер, — но и как филолог. Когда же вы заболели Пушкиным?

— «Болезнь» началась с актерского интереса к «Моцарту и Сальери». Результатом осмысления этой пьесы стал моноспектакль «А. С. Пушкин. Диалоги», выпущенный на малой сцене БДТ в 1969 году. Я сыграл и Моцарта и Сальери, но помимо этой «маленькой трагедии» в основу спектакля легли еще не имевшие сценической истории «Разговор книгопродавца с поэтом», «Сцена из «Фауста» и «Наброски к замыслу о «Фаусте». Костюмы сделал Слава Зайцев, ныне наш великий кутюрье, и, кстати, его эскизы у меня сохранились.

А в журнале «Вопросы литературы» появилась моя статья «Я шел к тебе...». Главное для Пушкина, как я писал, выражено в этой фразе. Ведь главное в пьесе — кризис дружбы, страшные недоумения Сальери и трагические предчувствия Моцарта, которые у него вылились в Реквием. Моцарт чувствует трагическое излучение, исходящее от друга. И в рецензиях на спектакль отмечалось, что мой Моцарт впервые сыгран как герой трагический...

— Занимались ли вы Пушкиным с научной точки зрения, участь в Университете?

— Пушкину отводилось, конечно, какое-то место в университетской программе, я его читал и что-то знал наизусть. Но личным импульсом к исследованию Пушкина стал для меня актерский интерес. Даже участь на филфаке, я был «человеком от театра», играл в университетском театральном коллективе.

Со временем я стал понимать, что все-таки действую на пограничье. Мой друг Натан Яковлевич Эйдельман заметил, что я живу на стыке двух профессий. И на этом стыке возникают необходимые искры, которые освещают тьму обоюдных заблуждений. Важные научные открытия часто возникают на стыке разных дисциплин.

— Лекция Алексея Бартошевича, показанная на телеканале «Культура», называется «Шекспир — человек театра». Алексей Вадимович доказывает, что пьесы Шекспира нельзя понять, не учитывая условия сцены того времени. Пьесы Пушкина не увидели сцены при жизни автора. Насколько, по-вашему, можно говорить о Пушкине как о человеке театра?

— Пушкин — абсолютно театральным человеком. И на его драматургию не стоит смотреть с одной только литературовед-

Сцена из спектакля Владимира Рецептера «Дон Гуан и другие».

ческой позиции. В 1820-е годы Пушкин увлекался театром, подобно другим дворянам был «гражданином кулис». Театр оказался близок его натуре, его творческой природе. Когда поэт во время написания истории Петра рассказывал Погодину, как Петр допрашивал своего сына, изможденного заточением, у Пушкина вытягивалось лицо. А Шевырев говорил, что, читая «Бориса Годунова», Пушкин становился красавцем. Кроме всего прочего, Александр Сергеевич был гениальным актером. По уровню его, думаю, можно сравнить с появившимся на свет много позже Михаилом Чеховым.

Александр Сергеевич перестал интересоваться повседневным театром своего времени, но не утратил интереса к перспективе строительства нового русского театра.

— Сейчас вы выпускаете книгу «Принц Пушкин, или Драматическое хозяйство поэта», само название которой переключается с шекспировским принцем датским...

— Если развивать тему отношений Пушкина с Шекспиром, прежде всего отмечу, что Шекспир находился в лучшем положении, чем Пушкин. Во-первых, неизвестно, кем он был. (Смеется.) Я склоняюсь к мнению Ахматовой, что это был придворный человек или человек, имеющий право на английскую корону, который отдавал артисту по имени Шекспир свои драматические сочинения, а тот с коллегами их разыгрывал. Но как сказала Анна Андреевна — лично мне, — этому человеку повезло: ему удалось скрыться... Пушкин, один из величайших драматургов, учился у Шекспира и сам призна-

вался в этом. Он написал гениального «Бориса Годунова», опираясь на шекспировский опыт. Но как у всякого гения, у него выходило все-таки по-другому, по-своему...

Нововведения Пушкина в драму оказались чуждыми театру его времени. Неспроста в предисловии к «Борису Годунову» он написал: «Нововведения опасны и, кажется, не нужны». Что поделать: в России надо жить долго. Шекспир писал для театра, и театр играл его пьесы. Пушкин писал для театра, но его пьес театр не иг-

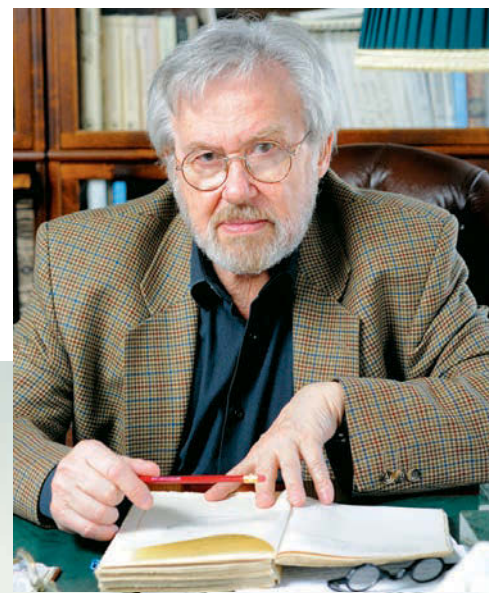
— Шекспир писал для театра, и театр играл его пьесы. Пушкин писал для театра, но его пьес театр не играл. Вот в чем трагедия Пушкина как театрального человека.

рал. Вот в чем трагедия Пушкина как театрального человека.

— Что войдет в эту книгу?

— Мои литературоведческие и текстологические работы о пьесах Пушкина, а также статья «Принц Пушкин, или Цельность замысла». Замысел Пушкина, как я понимаю, был в том, что он, стремясь к перестройке театра, задумал перестройку не только драматургии. Он говорил, что нужна совершенная перемена актерской методы. И еще нужна, говоря революционным языком Маяковского, перековка зрителя. Потому что нельзя судить о достижениях театра по рукоплесканиям «нашей публики»!

Вы, конечно, поняли, что в своем завлании я перефразировал Ходасевича, который назвал свою книгу «Поэтическое хозяйство Пушкина». Позже наш Пушкинский театральный центр планирует изда-

ние тома пушкинской драматургии, куда войдут, помимо известных пьес, и «Анджело», и «Альманашник», и «Марья Шонин», и многие другие просящиеся на сцену вещи Пушкина. В общем, драматическое хозяйство окажется гораздо богаче, чем это представляют себе ученые Пушкинского дома.

— О театре Гоголя, Островского или Чехова можно с уверенностью говорить как о сложившемся явлении с давними традициями. Разговор о «театре Пушкина» заведомо проблематичен до сих пор. Как вы думаете, почему?

— В свое время я ответил на этот вопрос так: «Не Пушкин несценичен, а театр не пушкинизирован». Театр всю свою энергию упорно тратит на давние заблуждения. Но с этими заблуждениями борется прежде всего само время. Ну, кое-что делает и Пушкинский театральный центр в Петербурге, и театр «Пушкинская школа» на Фонтанке, 41, и Пушкинский театральный фестиваль во Пскове и Михайловском, который я провел 20 раз. Набран студенческий актерский курс в Театральной академии, и пушкинское наследие, как вы можете догадаться, во многом лежит в основе нашей методы.

В общем, движение в сторону театра Пушкина началось. И конечно, надо сохранять веру в будущее, которое, надеюсь, переместит вектор российского театра. Хотя степень трудности этой задачи мне введома.

«Пушкинская школа» — это совершенно автономный путь. Это прокладывание новой дороги. Мы учимся у Пушкина — русскому языку, русской речи, смыслу, ясности. И приглашаем к себе не поучать, а вместе поучиться Пушкину.

Беседовал Евгений АВРАМЕНКО
Фото предоставлены
Пушкинским театральным центром
в Санкт-Петербурге